

КОНСТИТУЦИОННАЯ

ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ.

1—15 ноября.

№ 21.

1874 г.

ОТДЕЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Попъ Лазарь-расколоучитель ¹⁾.

Попъ Лазарь принадлежит къ числу первыхъ учителей раскола, положившихъ за него свою голову. Біографическія свѣдѣнія о немъ весьма не полны. Касаясь только второй половины жизни Лазаря, они состоятъ изъ разсказовъ большею частію преувеличивающихъ его дѣянія и заключающихъ въ себѣ значительную долю чудеснаго элемента. Семень Денисовъ свидѣтельствуеъ, ²⁾ что Лазарь былъ священникъ города Романова, имѣвшій „на себѣ, по собственному указанію, ³⁾ благословеніе святѣйшаго Филарета Никитича патріарха московскаго и всея великіи русіи, а рукоположеніе митрополита Варлаама ростовскаго“. Какъ почти всѣ первые расколоучители, онъ при патріархѣ Іосифѣ занимался въ Москвѣ исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ, а Никономъ устраненъ былъ отъ занятій этого рода и возвращенъ въ Романовъ. По своему образованію Лазарь, на сколько это видно изъ его сочиненій, представляетъ одно изъ видоизмѣненій типа русскаго начетчика тогдашняго времени, увѣреннаго въ невозможности спасенія безъ строгаго сохраненія старопечатной буквы священныхъ книгъ и соблюденія старинныхъ, переданныхъ отъ отцовъ и дѣдовъ, обрядовъ, какъ бы они ни были искажены временемъ. Поэтому реформы патріарха Никона возбудили въ Лазарѣ сильное негодованіе, тѣмъ болѣе что касались дѣла, въ которомъ онъ считалъ себя

¹⁾ При составленіи настоящаго очерка мы пользовались: „Жезломъ Правленія,“ Описаніемъ нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками,“ и рукописью изъ соловецкаго отдѣла бібліотеки казанской духовной академіи, заключающею въ себѣ „Щить“ и „Духовное Дѣло“ Лазаря.

²⁾ Виноградъ Россійскій. Статья Лазарь.

³⁾ Русопись. лис. 59 на об. и 83.

спеціалистомъ, и были совершены безъ всякаго съ нимъ совѣта. Лазарь началъ „свободнымъ языкомъ проповѣдывать древле-церковное благочестіе и избличать Никонова новшества ¹⁾“, за что былъ окованъ цѣпями и посаженъ въ тюрьму, гдѣ, какъ онъ самъ увѣряетъ, ²⁾ „Сынъ Божій подалъ ему явленіе святаго и великаго пророка Іліи Ѳесвитянина“, который ободрилъ его сказавъ: „Лазарь! Азъ съ стобою не бойся“, послѣ чего онъ нашелъ оковы спадшими. Воодушевленный этимъ видѣніемъ, Лазарь, когда его привезли въ Москву для суда, не переставалъ избличать нововведенія и за это былъ сосланъ въ Тобольскъ. О его жизни въ этомъ мѣстѣ ссылки сохранилось такое свидѣтельство: ³⁾ „о Лазарѣ знаетъ сей градъ, яко ему нѣкогда улицы бываху тѣсны, и люди его подъ руки водиша (пьяна), егда самъ не можаше до дому пріити. И нѣкогда Лазарь съ гостями сѣдя, нача проповѣдати басни и загадки бабія..... Гости же повѣсиша лица, и страмляхуся отъ іерея слышати таковыя рѣчи“. Изъ Тобольска Лазарь опять былъ потребованъ въ Москву, не задолго до пріѣзда туда восточныхъ патріарховъ. Около этого времени онъ, по мнѣнію автора „Описанія нѣкорыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками, ⁴⁾“ составилъ первое свое сочиненіе—„Челобитную“ царю Алексѣю Михайловичу. Представленная ему въ 1666 г., „Челобитная“ была передана собору, который прочиталъ ее и осудилъ. Въ Москвѣ Лазаря „многими поученми и бодрые пастырїе на путь истинный наставляху и вредъ его душевный врачеваху ⁵⁾“, но увѣщанія ихъ не имѣли успѣха. Лазарь оставался непреклоннымъ

¹⁾ Виногр. ст. Лазарь.

²⁾ Рукоп. лис. 57 на обор.

³⁾ Опис. нѣкот. соч. 2 ч. 85 стр.

⁴⁾ Опис. нѣк. соч. 2 ч. 88 ст.

⁵⁾ Тамъ же стр. 87.

и, когда его „Россійстїи архіереи на собраніе предъ всенскихъ патріарховъ поставили“, обратился, будто бы, къ нимъ съ такою просьбою: „молю ваше архипастырство, вселенстїи патріарси, повелите ми, за древле-церковныя книги въ пламень огненный возгнещенный дерзновенно вступити да Божій судъ изъявитъ правду; аще убо огнемъ сожженъ буду, правы покажутся новопечатныя книги; аще ли цѣль и неврежденъ отъ огня буду, то древле-церковныя печатныя и писменныя книги правы и непорочны явятся 1)“. Но соборъ не согласился на это и предалъ Лазаря ачаемъ (17-го іюля 1667 года), которая также, какъ и прежнія наказанія, мало на него подѣйствовала. Онъ продолжалъ свои обличенія новшествъ, а потому „царскому суду, яко простой людинъ предадеся 2)“, и „прїялъ казнь не милостивну“, — ему „языкъ клещами вытянули и обрѣзали, 3)“, послѣ чего сослали въ пустозерскій острогъ. Здѣсь снова явился Лазарю св. Ілія, повелѣлъ „стояти въ законѣхъ отеческихъ не сумнѣнно и обличати измѣняющихъ законъ, прежнихъ святыхъ пастырей благодарити и преданія ихъ хранити, а неправедныхъ судей порицати 4)“. Въ силу такого велѣнія свыше, Лазарь продолжалъ свою расколоучительскую проповѣдь и въ пустозерскомъ острогѣ, гдѣ написалъ два сочиненія: „Щитъ православія“, въ февраль 1675-го, вѣроятно, года, 5) и „Духовное дѣло

1) Виног. ст. Лаз.

2) Опис. соч. 2 ч. 87 ст.

3) Рукоп. лис. 59 на об.

4) Тамъ же лис. 58 и 82.

5) Время написанія этого сочиненія обозначено въ рукописи 1665 годомъ, но очевидно это ошибка. Въ 1665 году Лазарь не былъ еще сосланъ въ Пустозерскій острогъ; кромѣ того въ заглавіи „Щита“ говорится, что онъ 1675 году, „посладеся вѣрнымъ“, по всей вѣроятности сейчасъ же, какъ былъ оконченъ.

святѣйшаго патріарха, въ лѣто 7177 февраля 1)¹⁾. За это, какъ свидѣтельствуется „Виноградъ 2)²⁾“, Лазарю вторично отрѣзали языкъ отъ самаго основанія и отсѣкли руку десную, персты которой „явишася“, послѣ отсѣченія ея, „согбени и совокуплени тако, яко крестное знаменіе на себѣ воображаше“, т. е. именованно. Но, и не имѣя языка, Лазарь чудесно говорилъ, а, спустя два года, Богъ явилъ новое чудо—языкъ Лазаря снова выросъ, рука же, „приложена бывши къ составу ея, таки чудесно исцѣлился 3)³⁾“. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого событія, по „Винограду“, Лазарь былъ сожженъ вмѣстѣ съ Аввакумомъ, Θεодоромъ и Епифаніемъ „въ самый день спасительныхъ Христовыхъ страстей“.

Теперь обратимся къ сочиненіямъ Лазаря, „Челобитная“ въ томъ видѣ, какъ она напечатана въ „Жезлѣ“, не представляетъ возможности выдѣлить что либо характеристичное, отличающее Лазаря отъ другихъ расколоучителей; она, за очень не многими исключеніями, состоитъ изъ краткихъ, голословныхъ обвиненій на новоисправленныя книги. По поводу этого произведенія слѣдуетъ упомянуть только о повторенной два раза Лазаремъ, а за нимъ и его почитателями, жалобѣ, что „въ новыхъ книгахъ, глаголемыхъ жезлахъ слова напечатаны не противъ его письма, а многи не кои нужны 4)⁴⁾“. Быть можетъ дѣйствительно „Челобитная“ изложена въ нѣсколько сокращенномъ видѣ и жалоба Лазаря имѣетъ нѣкоторое основаніе 5)⁵⁾; но, чтобы она

1) Рукоп. лис. 88.

2) Статья Лазарь.

3) Тамъ же.

4) Рукоп. лис. 15 на обор. и 63 на об.

5) Предположенію, что „Челобитная“ сокращена, даютъ вѣроятность слова и „прочая“, которыми авторъ „Жезла“ заключилъ первое „Обличеніе Лазарево.“ Листъ 71 на обор.

имѣла полную силу, ему слѣдовало бы указать подлинный и искаженный текстъ.

„Щитъ православія“ представляетъ вторую челобитную царю Алексѣю Михайловичу. „Духовное дѣло“ — тоже челобитная, обращенная къ Юсафу, назначеніе котораго на патриаршую кафедру подало Лазарю, какъ и всѣмъ раскольникамъ, большія, впоследствии не оправдавшіяся, надежды на поворотъ дѣлъ въ пользу приверженцевъ старины.

Въ этихъ сочиненіяхъ Лазарь, подобно другимъ расколоучителямъ, вооружается противъ „раззорѣнія книгъ и измѣненія благолѣпоты церковныя ¹⁾“. Но уже при бѣгломъ взглядѣ на нихъ, если принять во вниманіе только названіе нѣкоторыхъ ихъ главъ, ясно становится, что Лазарь, выражаясь его собственными словами, писалъ „не по преодержимому слову челоуѣческія мудрости, но въ показаніи духа“, рѣзко выдается отличительная черта его направленія — мистицизмъ. Такъ у него встрѣчаются заглавія: о пресуществѣ Троицы, о возстаніи великаго князя Михаила, объ антихристовыхъ случаяхъ, о горѣ, иже мимоходитъ, о піанствѣ жены и яко послѣднее есть благочестивое царство великія Россіи и т. подоб. При болѣе же близкомъ знакомствѣ съ ними открывается, что Лазарь усиливается найти таинственный смыслъ даже тамъ, гдѣ его во—все нѣтъ, и обнаруживаетъ большую склонность къ истолкованію темныхъ пророчествъ (Апокал., прор.— Данила, Аввак. и Іезек.) сообразно съ своими взглядами на современное состояніе церкви и Россіи, и новые церковно-обрядовые порядки. Особенно характерны въ этомъ отношеніи его объясненія Апокалипсиса. Вотъ, на примѣръ,

¹⁾ Эта и всѣ дальнѣйшія цитаты заимствованы нами изъ рукописи.

небольшая выдержка изъ 26-ой главы „Щита“: „описуетъ Богословъ и лица человѣческа, да не рѣкутъ яко си пружи, иже древа и траву и плоды поядаютъ, власы же имутъ женскія: симъ являетъ духовныхъ людей, священниковъ и діаконовъ, иже власовъ не постригаютъ, отъ сихъ имутъ пружи вѣрнымъ быти. Златые вѣнцы честь имъ данную являютъ. Образецъ вѣнцамъ ихъ камилавки новыя рогатки, зубы же ихъ львовы — жестокость являютъ, броня желѣзны — лютость немилосердія къ людямъ отъ ихъ бывающую“. Целью 27-ой главы онъ постановилъ — доказать, что русская церковь есть „апокалипсическая жена, пьяная не виновъ, но кровію христіанскою и кровію свидѣтелей Ісусовыхъ“, т. е. раскольниковъ, а Россія, „по писанію, Вавилонъ и Египетъ“.

Сообразно съ такимъ направленіемъ сочиненій Лазаря, въ нихъ дано весьма видное мѣсто ученію о знаменіяхъ пришествія „лѣтописнаго лжепророка“ — антихриста, его личности, слугахъ, влательствѣ въ Россіи и дѣйствіяхъ, при чемъ данъ полный просторъ мистическимъ воззрѣніямъ и произвольному толкованію апокалипсическихъ предсказаній. Относительно личности антихриста Лазарь высказываетъ взглядъ, принимаемый и другими расколоучителями (Аввакумомъ, Аврааміемъ), что это патріархъ Никонъ; но ученіе о немъ изложено чисто мистически. Составленное „въ показаніи духа“, оно лишено даже той видимой доказательности, какою отличается у Авраамія. Замѣчательно только особенно подробное изслѣдованіе вопроса о троеперстїи, какъ печати антихриста.

Новольно также обращаетъ на себя вниманіе большая сдержанность Лазаря въ выраженіяхъ и почтительнѣйшее, по мѣстамъ льстивое, отношеніе къ властямъ.

Хотя онъ, какъ всѣ вообще расколоучители, и находитъ у никоніанцевъ различныя ереси: аріанство (въ троеперстїи), горшую аріанъ, македоніанскую ересь (въ уничто-

женіи въ символѣ слова „истиннаго“), манихейство (въ томъ, что „литургію начинаютъ затворъ царскія двери“), преданіе Малаксино (въ томъ, что „нынѣ людей благословляютъ новымъ слогомъ перстовъ“), а болѣе всего разныхъ ересей латинскихъ (во введеніи такихъ новыхъ „неправославныхъ догматъ“, каково, на прим., четвереніе аллилуіи); хотя Лазарь и говоритъ, что они отступили отъ Бога и молятся духу лукавому, т. е. діаволу: но это дѣлается безъ всякой запальчивости, совершенно спокойнымъ тономъ. Хотя у Лазаря встрѣчаются бранныя слова, насмѣшки, но ихъ очень мало и они, сравнительно, не могутъ быть названы грубыми. „Слѣпіи вожди, учителя престестніи, зліи наставницы, трепрокляти враги, совѣтъ „нашимъ властямъ“, подобно латинскимъ, завести въ церкви собачекъ, чтобы онѣ потавкивали, Никонъ— „волкъ въ овчей кожѣ“,— вотъ и вся брань допущенная Лазаремъ. Площадныхъ выраженій и грубыхъ ругательствъ онъ никогда себѣ не дозволяетъ, что могло бы быть поставлено въ примѣръ нѣкоторымъ не только раскольническимъ, но и православнымъ дѣятелямъ тогдашняго времени. Даже, излагая свои взгляды на Никона, Лазарь не измѣняетъ обычному спокойно мистическому тону.

Задачею „Щита“ Лазарь поставилъ убѣдить Алексѣя Михайловича, чтобы онъ далъ раскольникамъ „праведный судъ въ законѣхъ отеческихъ“ и „повелѣлъ“ имъ „идти на общую правду на Божію судьбу предо всѣмъ царствомъ самовластно взыти на очную во извѣщеніе истины“. Сообразно съ этимъ, онъ всѣми мѣрами старается расположить царя въ свою пользу, для чего не щадитъ ни краснорѣчія, ни вымысла, и, при помощи ихъ, завѣдываетъ всѣ болѣе чувствительныя струны сердца государя.—Зная, что патріархъ Никонъ палъ главнымъ образомъ вслѣдствіе обвиненія въ превышеніи своего и униженіи государева значенія, Лазарь съ величайшимъ усердіемъ доказываетъ свое

„уваженіе къ царю и его власти. Обращаясь къ Алексію Михайловичу, Лазарь называетъ его солнцемъ христіанскимъ, къ титулалъ царь, государь часто прибавляетъ лестные эпитеты—благочестивый, великій, благовѣрный, благородный, говоритъ: „вѣмъ ты благоразумна и мудра суща“, указываетъ на „чистоту царскаго сердца и его простоту душамъ“; особенно же много занимается вопросомъ о великомъ значеніи царской власти. Лазарь утверждаетъ, что власть эта—Божія, что „Богомъ данная намъ царская власть, егда содержитъ правленіе, разньство есть отъ прочихъ властей. Якоже отстоитъ небо отъ земли, солнце выше луны и больше свѣтомъ есть: сиче и царская божественная власть выше и больше отъ прочихъ властей,“ и что онъ, „аще Богъ изволитъ, готовъ не токмо темничное озлобленіе терпѣти, но и душу свою положить, яко да пребудетъ вашего благородія царская власть во вѣки не возвратно и непоколебима“.

Чтобы польстить родственному чувству Алексія Михайловича, Лазарь возвеличиваетъ его отца „благочестиваго и великаго князя Михаила Θεодоровича“, и, преимущественно, „столпа правовѣрія, новаго страдальца, исповѣдника, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича, истиннаго пастыря“, противъ котораго „никто изъ нынѣшнихъ пастырей не обрящется таковъ въ страданіихъ“. При этомъ Лазарь относитъ къ Михаилу Θεодоровичу одно пророческое мѣсто, передаетъ рассказъ о явленіи Филарету „инока свѣтла лицомъ, Антонія Сійскаго“, который объявилъ, ему что „Сынъ Божій вручаетъ державу царства російскаго сыну его Михаилу“, а ему самому „соборную царства російскаго церковь“, и подалъ ему „просфиру“, оставшуюся „въ руцѣ“ Филарета послѣ гого, какъ „Святой бысть не видѣнъ“, а также предлагаетъ очеркъ государственныхъ заслугъ этого патріарха въ смутное время и „подъятаго имъ озлобленія правовѣрія ради“. Въвствъ съ

тѣмъ, указывая на страданія ревнителей неизмѣняемости старопечатныхъ книгъ, Лазарь старается убѣдить царя, что „о семъ будутъ судитися съ нимъ прародили его и прежнія цари и патріархи, кои тѣ книги управили, къ симъ же святіи отцы, кои тѣ книги держали, и тѣми спасени быша, нетлѣніемъ телѣсъ“, прибавляя къ этому: „мы держимъ святыя книги и законъ прародителей твоихъ, и ничего во святую церковь ни вносимъ, ни износимъ, что приняли, то и держимъ неизмѣнно“. Наконецъ, высказываетъ онъ заботливость и о дѣтяхъ государя: „подобаетъ ти царю заповѣдати благороднымъ чадомъ своимъ, да пребываютъ въ законѣхъ отеческихъ во вѣки не отступно, да не постраждутъ“, говоритъ онъ.

Считая Алексѣя Михайловича человекомъ съ мягкимъ, переменчивымъ характеромъ, Лазарь думаетъ вооружить его противъ „новолюбцевъ“ и доказываетъ, что имъ не слѣдуетъ вѣрить; такъ какъ „несть во устѣхъ ихъ истины, сердце ихъ суетно, гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими льсашу“. А что бы успѣшнѣе достигнуть своей цѣли, представляетъ рядъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ, какъ „живые архіереи“ обольщали царей и какія бѣдствія постигли вслѣдъ за тѣмъ правителями и государствами. И свое ученіе о воцареніи на Руси „лѣтописнаго лжепророка“ онъ излагаетъ съ намѣреніемъ запугать царя.

Много душевныхъ страданій перенесъ Алексѣй Михайловичъ во время разлада и борьбы съ Никономъ. Этихъ тревогъ Лазарь не оставляетъ безъ вниманія, придавая имъ тотъ смыслъ, что Богъ „того ради попускаетъ ихъ на царя, яко на Юва, да чудно нѣчто покажетъ о немъ“.

Съ такимъ же большимъ уваженіемъ, какъ къ царю Алексѣю Михайловичу, относится Лазарь въ „Духовномъ дѣлѣ“ къ патріарху Іоасафу, котораго называетъ „пречистымъ владыкою, пастыремъ правовѣрнымъ, отцемъ и ве-

ликимъ господиномъ святѣйшимъ патріархомъ московскимъ и всея великія Русіи, проувѣденіемъ Бога слова избраннымъ на престолъ великія святыя соборныя церкви, дабы право правити слово истины.“ Радость свою по поводу этого избранія онъ выражаетъ такъ: „иде насъ мимо еже зима, притетъ еже весна, и зримъ всю тварь поющу..... и о сихъ радуемъ и веселимся и удивляемся и прославляемъ всемогущаго Хитреца Сына Божія, приведшаго силъ на обновленіе. Мощенъ есть и лютое возмущеніе святыя церкви и законъ отеческій тобою пастыремъ въ тишину и въ соединеніе благосостоянія привести.“ Желая заслужить благоволеніе новаго патріарха, Лазарь говоритъ: „вѣмъ тя, яко отъ юности Господеви работавши и въ законѣхъ святыхъ отецъ порожденъ еси, и наученъ еси, и училъ, и пріалъ еси, и держалъ и проповѣдалъ“, выражаетъ удивленіе, что благочестивый іерархъ „попустилъ таковую прелесть при своей паствѣ, раздалъ книги глаголемыя жезлъ въ свою великую Русію“, а въ заключеніе обращается съ такою рѣчью: „силь себѣ вразумляй, насъ же юзникъ благослови..... да и самъ благословенъ будещи отъ Бога“. Увѣренность Лазаря въ „древле-церковномъ“ образѣ мыслей Юсафа была такъ велика, что вызвала слѣдующій укоризненный отзывъ: „Апостоль Павелъ глаголетъ: аще кто о своихъ присныхъ въ вѣрѣ не промышлетъ, сей убо вѣры отвергая есть и невѣрнаго горшій. А ты пастырю, вмѣсто попеченія и промысла прислалъ свою грамоту въ постозерскій острогъ, а въ грамотѣ указалъ... къ вамъ отцемъ духовнымъ не приходитъ, и ни исповѣдовать насъ, ни причащать, и умершихъ тѣлесъ нашихъ не погребать, но повергать псомъ и звѣремъ въ спѣдь и птицаи на разтерзаніе“. — При помощи историко-библейскихъ примѣровъ Лазарь старается убѣдить патріарха дѣйствовать въ пользу раскольниковъ и печалиться за нихъ предъ царемъ, говоритъ о патріаршей власти „владычества ду-

ховная правити, но апостолу научати, и умоляти, и запрещати“, при чемъ позволяетъ себѣ намекъ даже на обличеніе Іоасафомъ Алексѣя Михайловича: „самъ отче вѣси, яко повѣлеваетъ сынъ Божій всяку неправду обличать, непостыдися лицъ сильныхъ“, замѣчаетъ онъ.

Въ заключеніе нельзя пройти молчаніемъ относительную слабость характера Лазаря. Онъ свидѣтельствуетъ о своей готовности пострадать за правую вѣру, увѣряетъ, что не боится самой смерти, такъ какъ это „не смерть, но измѣненіе отъ временныхъ на нетлѣнная и лучшая“, ставить себя въ параллель съ древними христіанскими мучениками: но со всѣмъ этимъ какъ то не вѣжутся его жалобы на такія мелочныя для истиннаго аскета и страдальца за религіозныя убѣжденія невзгоды жизни, каковы слѣдующія— „а хлѣба даютъ намъ по 1½ фунта на сутки, да квасу нужнаго, ей, ей, и псомъ больше пометають, а соли не дѣють, одѣжежки нѣтъ же, ходимъ срамно и наго“. Слабостью характера Лазаря объясняется и то обстоятельство, что онъ въ несчастіи предался пьянству.

М. Юркевичъ.
